

12+

АЛЕКСАНДРА БАХТИНОВА

ИМПЕРИЯ БЕССМЕРТИЯ

ВЕЧНОСТЬ — НЕ ДАР. ЭТО ВЛАСТЬ.

ТЫСЯЧИ МИРОВ. ОДИН ВЫБОР.
ОНА МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ВСЁ.

Александра Бахтинова

Империя бессмертия

<https://litres.ru/74395874>

ISBN 9785007112185

Аннотация

Человечество победило смерть. Две тысячи лет миром правят те, кто давно перестал бояться времени. Ева — наследница династии, контролирующей величайшую технологию в истории. Когда события заставляют ее отправиться к истокам технологии бессмертия, Ева оказывается перед выбором, способным изменить не только ее судьбу, но и само представление о жизни, смерти и человеческой природе.

«Империя бессмертия» — масштабный научно-фантастический роман о власти, выборе, любви, цене вечной жизни.

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава первая. Западная башня	8
Глава вторая. Королевские покои	16
Глава третья. Удар	24
Глава четвертая. Тронный зал	29
Глава пятая. Старые тоннели	33
Глава шестая. За стенами	37
Глава седьмая. Двойной удар	41
Глава восьмая. Рассвет	48
Глава девятая. Восход	52
Глава десятая. Крепость	61
Глава одиннадцатая. Утро вне мира	79
Глава двенадцатая. Слезы Сумеречного Ока	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Империя бессмертия

Александра Бахтинова

© Александра Бахтинова, 2026

ISBN 978-5-0071-1218-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Пролог

Ночь над Эларионом была ясной.

Семь спутников медленно плыли по чёрному небу, словно корабли по безбрежному океану тьмы. Их холодный свет скользил по шпилям дворца Эларион, превращая белый камень в бледное золото. Тысячи кристаллов, вмурованных в стены и башни ещё во времена первых королей, мерцали в ночи, будто пойманные в камень звёзды.

Три солнца давно ушли за горизонт, оставив небо в распряжение ночных властителей. И в эту ночь они явились все — семь древних свидетельниц, семь сестёр, чьи имена шептали в молитвах и проклятиях.

Аргента — первая, самая великая, плыла в зените, расправив свой молочно-белый диск, словно королева, принимающая дань. Её свет был ровным, спокойным, почти материнским. Говорили, что именно на Аргенту смотрели первые короли Элариона давая клятвы, которые нельзя нарушить.

Чуть восточнее сверкала Корис — красная, как запёкшаяся кровь на лезвии меча. Её поверхность была испещрена тёмными прожилками, похожими на трещины в древней керамике. В её свете тени становились длиннее, а шепот — зло-

вещим. Астрологи боялись даже произносить её имя в полнолуние.

Ниже всех, почти у самого горизонта, висела Вела — зелёная, прозрачная, как драгоценный камень, в который заключена капля вечности. На её поверхности проступали письмена — древние, забытые символы, которые никто не мог прочесть. Мудрецы спорили веками: то ли это предсказания, то ли рецепты зелий, то ли любовные письма бога к смертной.

Рядом с Велой, словно верная служанка, скользила Силла — голубая, влажная на вид, будто её только что вынули из глубин океана. По ночам, когда Силла поднималась высоко, море у берегов Элариона начинало дышать иначе — приливы становились длиннее, а рыбаки клялись, что слышат в шуме волн женский смех.

Чуть поодаль держалась Морран — тёмно-серая, покрытая сетью трещин, которые каждую ночь меняли свой узор. Её называли «Луной Перемен»: воины перед битвой смотрели на неё, чтобы узнать, будет ли удача на их стороне. Если линии складывались в крест — к смерти. Если в круг — к победе.

Мелькала меж ними Этта — самая маленькая, золотистая, вечно торопящаяся. Она обгоняла остальных, кружила, петляла, словно играла в прятки с величественными сёстрами. Её свет был тёплым, почти живым, и дети Элариона верили: если увидеть Этту на восходе, загаданное желание обязательно сбудется.

И последняя — Немезида.

Её почти не было видно. Лишь лёгкое затемнение среди звёзд, словно кто-то провёл пальцем по бархату неба, стирая свет. Чёрная, как уголь, как глубина бездонного колодца, она плыла на самой окраине этой небесной процессии, и даже звёзды обходили её стороной. Немезиду не называли вслух. О ней говорили шёпотом, и только в дни великих бедствий.

В эту ночь она заняла своё место в центре — и все шесть других спутников выстроились дугой, словно кланяясь ей.

Столица спала.

В Нижнем городе спали ремесленники. Их спальни были пристроены к мастерским, и запахи смолы и металла, въевшиеся в деревянные стены, не покидали их даже во сне. Им снились заказы и утро, которое принесёт работу.

Спали купцы за тяжёлыми ставнями — их сны звенели монетами, вырученными за кристаллы, и шуршали драгоценной кристальной тканью, которую шили мастерицы из их же квартала. Они знали цену каждой нити.

Спали дети — и их сны были светлее, чем у всех остальных.

Спали солдаты, даже во сне сжимая рукояти мечей, готовые вскочить по первому сигналу.

Спала даже большая часть дворца.

Но не все.

Некоторые люди этой ночью собирались изменить судьбу мира.

Глава первая. Западная башня

Принц Вариан стоял перед высоким окном западной башни и смотрел на спящий город.

Ему не нравился этот вид.

Идеальные линии улиц, правильные углы крыш, ни одного лишнего огня. Город, который не боялся ночи. Город, который даже во сне оставался безупречным. Вариан смотрел на него и чувствовал раздражение — холодное, глухое.

Слишком правильный.

Эларион простирался внизу, укрытый дымкой, которую поэты называли «выдохом солнц», и даже в этот час, когда три светила уже ушли за горизонт, город не выглядел тёмным. Он мерцал — тысячами кристаллов, вмурованных в стены, сотнями огней в окнах, отражениями семи лун в каналах и фонтанах.

Город был покорён, но не им. Не его рукой, не его волей.

Его брат, старший, тот, кто носил корону так естественно, будто родился с ней, — он привёл этот город к порядку и тишине.

Вариан смотрел на башни, на ровные линии улиц, на спокойные огни в окнах — и ненавидел их. За то, что они были совершенны. За то, что это совершенство не имело к нему отношения. Здесь не было ни одной трещины, которую он мог бы назвать своей. Ни одной тени, которая ждала бы его.

Всё это дышало властью, которая не шатается, не просит пощады, не боится кинжала. Властью, построенной на любви, а не на страхе.

И эту власть Элиан передаст не ему.

Вариан сжал пальцы за спиной так, что боль отозвалась во всём теле.

Элиан передаст корону своему сыну — Тайрину, наследному принцу, мальчишке, который ещё не знает цену крови, но уже считается будущим королём. Тайрин получит всё: имя, трон, власть. А Вариан останется тем, кем был всегда, — младшим братом, чьё место всегда позади, вечным вторым, в очереди, которая никогда не дойдёт до него.

Он смотрел на город и чувствовал, как внутри поднимается холодная ярость.

За его спиной, в большом зале, где древние гобелены хранили память о королях, стояли двенадцать человек.

Герцоги, бароны, военачальники, члены Совета — все, кого он подкупил. Кому пообещал земли, золото, власть. Все, кто продал верность за звон монет и посулы. Они знали одну истину: пока Элиан на троне, пока Тайрин дышит, их алчность останется голодной. Слишком честен старый король, чтобы закрывать глаза. Слишком благороден наследник, чтобы торговаться. Слишком живы они оба — и эта жизнь мешает им жить.

Вариан не оборачивался. Смотрел на город и говорил, и голос его был ровным, как лезвие, — холодным, острым, не

знающим жалости.

— Через час мы начинаем. Те, кто хочет уйти, могут уйти. Но знайте: уйти — значит уйти навсегда.

Слова повисли в воздухе, и зал ответил им тишиной — такой полной, что в ней можно было различить каждый звук: дыхание двенадцати человек, скрип гобеленов на сквозняке, а где-то далеко внизу — шаги стражников, размеренно отбивающих ритм ночи. Никто не пошевелился. Никто не сделал шага назад.

Они стояли, вплавленные в эту тишину, — потому что уйти они уже не могли.

Вариан медленно повернулся.

Свет семи лун, проникающий через высокие стрельчатые окна, падал на его лицо, делая его бледным, почти мраморным. В этом свете он казался старше своих тридцати восьми лет — старше и опаснее.

Он подошёл к столу, стоявшему в центре зала, и остановился. На столе лежала карта дворца — с пометками, стрелками, точками. Рядом поблескивали клинки: кинжалы с рукоятками из тёмного дерева, мечи с насечками на лезвиях, метательные ножи с гравировкой. Его взгляд задержался на них — сосредоточенный, более напряжённый, чем всегда.

Когда заговор доходит до последней ночи, даже самые храбрые перестают улыбаться.

— Всё готово? — спросил он.

Лорд Маркос шагнул вперёд. Ему было за шестьдесят, и

каждый год его службы при дворе оставлял на лице новую морщину. Голос его был сух, но глаза горели холодным огнём.

— Северные ворота наши. Стража сменена. Никто не заметит.

— Восточные?

— Тоже. Наши люди. Ждут сигнала.

— Королевская гвардия?

— Разделена. Те, кто верен Элиану, заперты в казармах. Остальные — с нами.

Вариан кивнул.

Ни улыбки, ни одобрения.

Он не считал нужным раздаривать поощрения даже тем, от кого сейчас зависел его следующий шаг, — так же, как не считал, что подчинённые заслуживают благодарности за то, что делают свою работу. Они делали её не для него, а для себя — для своего выживания, для того, чтобы удержаться на том месте, которое они заняли, для того, чтобы не исчезнуть из мира, который не прощал ошибок. Если показать, что ими сделано достаточно — они перестанут стараться. Если он покажет им, что они ценны, они начнут верить, что их нельзя заменить. А он не мог позволить им верить в это. Он должен был держать их на грани, заставляя их сомневаться в своей значимости.

Вариан сделал короткий жест, который означал: «продолжай».

— Всё идёт по плану, — сказал Маркос. — Если никто не ошибётся.

— Никто не ошибётся, — ответил Вариан. — Я не допущу ошибок.

Он подошёл к окну, остановился у самой рамы — близко, так, что стекло почти касалось его дыхания. Пальцы легко коснулись холодной поверхности. Собравшиеся молча наблюдали за ним, не нарушая тишины. Они видели, как его плечи чуть напряглись, как линия спины стала жёстче.

Он смотрел на Немезиду.

— Элиан правит слишком долго, — произнёс он. — Он ослабел. Уверовал в свою неуязвимость. Не замечает теней у трона.

В наступившей тишине кто-то из собравшихся — молодой барон с юга, чьё имя Вариан даже не запомнил — не выдержал и кашлянул.

— Народ любит его.

Вариан резко обернулся и посмотрел на говорившего.

Тот побледнел, но не отвёл взгляда.

Мгновение они смотрели друг на друга.

Говоривший был слишком молод и ещё не привык к тому, что здесь не обсуждают приказы — он выдержал этот взгляд, хотя пальцы его дрожали.

— Народ любит восход солнц, — сказал Вариан тихо. — Но солнца не спрашивают их мнения, когда заходят. Они просто заходят. А потом наступает ночь. И народ привыкает

к темноте. Очень быстро. Поверь мне.

Эти слова прозвучали почти без интонации. Барон хотел что-то сказать, но передумал и опустил глаза.

Вариан перевёл взгляд на остальных.

Прошёлся по лицам, задерживаясь на каждом, пока те не начинали ёрзать.

— Вы здесь, потому что хотите большего. Потому что Элиан вам ничего не дал. И не даст. Он слишком честен для вас, слишком благороден. А его сын Тайрин — ещё хуже. Мальчишка, в свои двадцать с небольшим, считает, что честь важнее выгоды. Они не дадут вам ничего. Я — дам. Земли, титулы, власть. Всё, что вы просите. Всё, что вы заслуживаете.

Он шагнул к столу. Положил ладонь на карту — прямо поверх королевских покоев.

— До рассвета умрут трое. Король Элиан. Его сын Тайрин. И жена Тайрина — Лилиана.

Слова прозвучали ровно. Без дрожи. Без сомнений.

В комнате стало тихо.

И тогда старый лорд Маркос, тот, что пережил трёх королей, заговорил. Голос его был низким, почти шёпотом:

— Лилиана носит дитя.

— Я знаю.

— Если это мальчик — он будет наследником Элиана. Прямой угрозой тебе, даже если ты убьёшь короля и Тайрина.

— Поэтому я и сказал «трое», — ответил Вариан. — Ты плохо слышишь, Маркос?

— Нет, милорд, — Маркос покачал головой. — Я слышу хорошо. Я просто хочу убедиться, что ты понимаешь, что делаешь. Убить короля — это одно. Убить наследного принца — другое. Убить беременную женщину — совсем третье.

Вариан усмехнулся. Усмешка вышла кривой, безрадостной.

— Я знаю, что делаю. Если Тайрин умрёт, его жена умрёт вместе с ним. А вместе с ней — ребёнок, который мог бы претендовать на трон. Я не оставлю наследников. Никого. Только я.

— Она — дочь короля Валлиора, — возразил кто-то из командиров гвардии. — Если она умрёт в нашем дворце, её отец потребует ответа.

— Её отец — король соседнего государства, — ответил Вариан. — И если он узнает, что его дочь умерла при перевороте, он может прийти с войной. Поэтому я объявлю, что она погибла от рук неизвестных убийц. Что мы все скорбим. Что я поймал и казнил виновных. А потом я отправлю его тело в Валлиор — и скажу, что это был яд, который подлили мятежники.

Он перевёл взгляд на карту. На покои Лилианы. На покои Тайрина.

— Они умрут сегодня, — сказал он. — Все вместе. Вместе со своим отцом. И никто не узнает правды.

В зале повисла тишина. Только кристаллические светильники мерцали над столом, бросая длинные тени на карту, на клинки, на лица заговорщиков.

Вариан обвёл их взглядом. Каждый знал свою роль. Каждый уже перешагнул черту.

— Вы знаете свои места, — сказал он. — Вы знаете, что делать. Идите.

Двенадцать человек двинулись к выходу — молча, бесшумно, как тени. Последним вышел лорд Маркос. У двери обернулся.

— Ты будешь сидеть здесь? Ждать?

— Нет, — сказал Вариан. — Я пойду с вами. Хочу увидеть лица, когда они поймут.

Маркос кивнул и вышел.

Дверь закрылась.

Вариан остался один. Он сунул за пояс кинжал, взял со стола плащ и накинул его на плечи.

Он стоял у окна, глядя на спящий город, на мерцающие огни столицы, на далёкие башни, где спали те, кто даже не подозревал, что эта ночь станет последней в их жизни.

И в тишине, нарушаемой лишь мерцанием светильников, он прошептал:

— Прости, брат. Но ты слишком долго стоял на моём солнце.

Глава вторая. Королевские покои

Лилиана проснулась от ветра.

Окно спальни оказалось слегка приоткрытым — она сама оставила его таким перед сном, потому что воздух в покоях казался слишком тяжёлым, слишком душным. Ночной ветер колыхал тонкие занавеси, и они взлетали, как крылья уставшей птицы, а потом опадали, бессильные.

Она медленно села на постели.

Рубашка сползла с плеча, и холодный воздух коснулся кожи, но Лилиана не поправила ткань. Она сидела, глядя на окно, на мерцающий свет семи лун, который пробивался сквозь занавеси, и слушала, как стучит сердце.

Тревожно.

Тревога казалась беспричинной — но она знала: причина есть всегда.

Просто разум отказывается признавать то, что тело уже записало в своих тайных книгах.

В последние недели подобное случалось часто. Она просыпалась среди ночи, словно кто-то внутри неё уже начал стучаться в стенки её собственной реальности. Словно кто-то уже выбирал имя, цвет глаз и момент, когда впервые улыбнётся.

Несколько недель назад придворный лекарь подтвердил то, о чём она уже догадывалась сама.

Ребёнок.

Лилиана осторожно положила ладонь на живот. Внутри зарождалась новая жизнь. Наследник. Или наследница. Будущее.

Она улыбнулась.

Улыбка вышла тихой, почти тайной — такой, какой улыбаются только женщины, которые хранят самую важную тайну в своём теле.

Она положила вторую ладонь поверх первой и закрыла глаза.

— Слышишь? — прошептала она. — Я здесь.

В ответ — тишина. Но тёплая, наполненная.

— Слышишь меня?

— Ты разговариваешь сама с собой.

Голос раздался от двери. Низкий, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который только что проснулся, но уже улыбается.

Лилиана открыла глаза.

Тайрин стоял в проёме, прислонившись плечом к косяку.

На нём была только нижняя рубашка, расстёгнутая на груди, волосы спутаны, глаза ещё слипаются со сна. Но улыбка была уже на месте — та самая, которую она любила больше всего на свете. Кривая, насмешливая, тёплая.

— Ты шпионишь за мной? — спросила она, не убирая рук с живота.

— Шпионю, — согласился он. — Я теперь твой личный

шпион. Слежу, чтобы принцесса не разговаривала сама с собой.

— Я не сама с собой.

— А с кем? — он сделал шаг в комнату. Босой, бесшумный. — Я слышал, как ты говорила «я здесь». Кому? Ты одна.

— Я говорила не себе, — ответила она тихо. — Я говорила ему.

Тайрин остановился. Улыбка сползла с его лица — не исчезла, но стала другой. Мягче. Осторожнее.

— Ему? Ты уже знаешь?

— Нет, — покачала она головой. — Просто чувствую. Мне кажется, это будет мальчик.

— Мне кажется, ты просто хочешь мальчика, — он подошёл к постели, сел рядом. Кровать прогнулась под его весом, и Лилиана качнулась в его сторону. — Хотя я бы хотел девочку.

— Правда?

— Конечно. Девочку — как ты. — Он помедлил, коснулся пальцами её волос. — И с твоими светлыми волосами. И зелёными глазами. Красивую. Упрямую.

Она шлёпнула его по плечу — легонько, почти невесомо.

— Я не упрямая.

— Конечно, нет, — он усмехнулся. — Ты просто всегда делаешь по-своему. Но это не упрямство. Это... настойчивость.

Она хотела ответить, но вместо этого положила голову ему

на плечо. Он обнял её — осторожно, не прижимая сильно, как будто боялся раздавить или помешать.

— Ты не спишь, — сказал он. — Почему?

— Не знаю, — ответила она. — Ветер разбудил. И сердце колотится. Без причины.

Он поцеловал её в макушку.

— Что-то не так?

Лилиана молчала. Смотрела на окно, где за занавесями мерцал свет Аргенты — ровный, спокойный, почти материнский.

— Не знаю, — повторила она. — Просто мысли. Много мыслей.

— О чём?

— О нём, — она коснулась живота. — О том, каким он будет. О том, что советники начнут спорить даже о том, какое имя ему дать.

— Советники всегда спорят, — усмехнулся Тайрин. — Это их единственное занятие. Спорить и пить вино.

— И интриговать.

— И интриговать, — согласился он. — Но ты — жена наследного принца. Ты носишь будущего короля. Никто не посмеет тебе перечить.

— Ты так думаешь?

— Я знаю, — он взял её руку, переплёл свои пальцы с её. — Я не дам никому тебя обидеть. Ни советникам, ни кому другому. Ты — моя жена. Ты носишь моего наследника. Это

моя кровь, моё будущее. Я буду защищать вас.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза. Он не шутил. В его взгляде была та самая сталь. Она всегда говорила ему об этом, — та, что оставалась в его глазах ещё долго после того, как он снимал доспехи.

Твёрдая. Непреклонная.

— Я знаю, — сказала она. — Поэтому я и вышла за тебя замуж.

— За мою сталь?

— За твою честность. За то, что ты не лжёшь. Даже когда лучше было бы солгать.

Он усмехнулся снова, и сталь исчезла, уступив место привычной тёплой насмешке.

— Если бы я лгал, я бы говорил, что твой утренний чай вкусный. А он — ужасный. Он горький и пахнет болотом.

— Это лечебный чай. Для ребёнка.

— Если он для ребёнка, то ребёнок родится с таким же ужасным вкусом. Бедное дитя.

Она засмеялась. Смех был лёгким, искренним, и на мгновение тревога исчезла — растворилась, как утренний туман под лучами солнца.

— Ты ужасен, — сказала она.

— Знаю, — он улыбнулся. — Поэтому ты и вышла за меня.

Они сидели в тишине. Лилиана чувствовала тепло его тела, слышала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, уве-

ренно. Её собственное сердце тоже начало успокаиваться.

— Тайрин, — сказала она тихо, — Ты веришь в предзнаменования?

Он помолчал.

— Я верю в то, что вижу, — ответил он осторожно. — А что ты видишь?

— Семь лун, — она кивнула на окно. — Немезида в центре. Это плохой знак. При дворе говорят, что в такие ночи случаются беды.

Тайрин вздохнул. Крепче прижал её к себе.

— При дворе говорят много чего, — сказал он. — Особенно старые няньки и перепуганные служанки. Но это просто ночь, Лили, обычная ночь с семью лунами. Они бывают раз в семь лет и ничего не случается.

— Откуда ты знаешь?

— Если бы что-то случилось, мы бы знали. Истории сохраняются, а я не слышал, чтобы в ночь семи лун случилось что-то ужасное. Просто красивое небо.

Лилиана хотела возразить — но не стала. Она знала, что он пытается её успокоить. И ей было приятно, что он старается.

— Наверное, ты прав, — сказала она.

— Конечно, прав. Я всегда прав.

— Ты не всегда прав.

— Почти всегда. Девяносто процентов.

— Семьдесят.

— Идёт, — он усмехнулся.

Они помолчали ещё немного. Ветер колыхал занавеси, и свет Аргенты падал на пол, рисуя серебряные дорожки.

— Ты должен идти, — сказала Лилиана. — Вся ночь впреди, поспи. У тебя Совет на рассвете.

— Я знаю.

— Не опаздывай. Король не любит, когда опаздывают.

Тайрин усмехнулся.

— Мой отец не любит, когда опаздывают. Он не любит, когда перечат. Он не любит, когда спорят. Вообще, он не любит много чего, — он поцеловал её в висок. — Но я приду вовремя. Обещаю.

Он встал, поправил рубашку. Она смотрела, как он идёт к двери — босой, взъерошенный, с той лёгкой небрежностью, которая делала его таким... его.

У двери он обернулся.

— Лили.

— Что?

— Не переживай. Всё будет хорошо.

Она улыбнулась ему той же улыбкой — тихой, почти тайной.

— Знаю.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Лилиана осталась одна.

Она снова посмотрела на окно, где семь лун продолжали

свой вечный танец. Немезида всё ещё стояла в центре, чёрная и безмолвная.

Сердце забилося быстрее, но Лилиана не знала — это страх или предчувствие.

— Я здесь, — прошептала она снова. — Что бы ни случилось, я здесь.

И в ответ — внутри неё — что-то дрогнуло. Словно маленькое сердце, которое ещё не научилось биться, сказало: «Я тоже».

Глава третья. Удар

А потом она услышала шаги.

Быстрые, тяжелые — они гулко отдавались от каменного пола, приближаясь с каждой секундой. Слишком тяжелые для ночного коридора. Слишком быстрые для того, кто просто идет по своим делам.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Тайрин. Она никогда не видела мужа таким — ни после сражений, ни после охоты, ни даже после смерти его брата. Никогда.

На его лице была кровь.

Чужая кровь. Она стекала по щеке, капала на рубашку, оставляла темные пятна на светлой ткани. Кровь была ещё свежей, ещё тёплой — она видела это по тому, как она блестела в свете кристаллов. И это пугало сильнее всего. Потому что Тайрин не был ранен. Кровь была не его.

— Тайрин? — голос её сорвался, стал тонким, почти детским.

Дверь захлопнулась. Засов со скрежетом встал на место.

Тайрин пересек комнату, опустился перед ней на колени и взял ее руки — быстро, жестко, но осторожно.

— У нас очень мало времени, — сказал он.

Голос его звучал ровно — слишком ровно, и это пугало больше, чем кровь. Страх пробежал по её телу мгновенно.

— Что произошло?

Он посмотрел на неё.

— Переворот, — сказал он.

Одно слово — всего одно, — но оно ударило сильнее любого меча.

Лилиана побледнела.

— Кто?

Тайрин молчал несколько секунд.

— Вариан.

Имя его дяди прозвучало, как удар колокола на похоронах.

— Нет... — прошептала она.

— Да.

— Отец знает?

— Сейчас узнает.

Тайрин поднялся.

— Я послал гонца. Если он успел.

— Если?

— Ворота закрыты. Северные и восточные — уже не наши. Вариан перекупил стражу.

Он прошёл к стене где висело оружие. Начал снимать клинки — быстро, без лишних движений.

— У нас есть, может быть, полчаса. Меньше.

Лилиана встала.

Ноги не слушались — они стали вдруг тяжёлыми, как будто каждая мышца отказалась подчиняться, но она заставила их двигаться.

Подошла к мужу.

— Что ты делаешь?

Он посмотрел на нее.

В его серых глазах было столько любви, что ей вдруг захотелось заплакать.

— спасаю тебя, — сказал он.

— Мы уйдём вместе. Ведь так?

Тайрин ничего не ответил.

Продолжал собирать оружие. Нож к ножу, меч к мечу. Проверил клинок, сунул его в ножны на поясе. Взял кинжал, спрятал в сапог.

И тогда она поняла — раньше, чем он заговорил.

По взгляду, по молчанию, по тому, как его глаза задержались на ней на долю секунды дольше обычного, и в этой микроскопической паузе было больше смысла, чем в любых словах. По тому, как он не сказал ничего — не попытался объяснить, не попытался оправдаться.

— Нет.

— Лили...

— Нет.

Она схватила его за руки. Крепко, так, что пальцы впились в его предплечья, заставляя остановиться.

Он остановился, и это было не подчинение, а скорее понимание — её руки сказали больше, чем могли бы сказать слова. Они не просили, они требовали, и он замер, ощущая, как пальцы впиваются в его кожу, как её хватка становится

ся твёрже, как будто она боялась, что он исчезнет, если она ослабит давление. Он стоял неподвижно и просто позволял ей держать его.

Голос ее дрогнул.

— Ты поедешь со мной.

— Не могу.

— Можешь.

— Если я уйду, никто не задержит их. Они будут искать нас — найдут через час, два. Они не остановятся, Лили. Вэриан будет искать тебя, пока не найдёт.

Она начала качать головой.

Слезы уже жгли глаза.

— Не говори этого.

— Послушай меня.

— Нет.

— Послушай!

Впервые за годы он повысил голос.

И она замолчала.

— Ты носишь нашего ребёнка.

Тишина.

— Если погибнешь ты — погибнет весь наш род.

Он осторожно коснулся её лица.

— Если погибну я... мир не закончится.

— Для меня закончится.

Тайрин закрыл глаза.

Всего на миг.

Будто эти слова ранили сильнее любого клинка.

Когда он снова посмотрел на неё, Лилиана увидела страшную вещь.

Он уже прощался.

Глава четвертая. Тронный зал

Король Элиан стоял в Тронном зале.

Старый.

Усталый.

Но всегда величественный.

Даже сейчас, в час, когда всё рушилось, он держался так, как держались короли его крови — прямо, непоколебимо, словно скала, которую не могут сдвинуть ни ветер, ни время.

На нём не было короны.

Только тёмно-синий плащ, выцветший на плечах, и древний меч династии. Меч, который носили короли Элариона почти четыреста лет. Сталь его тускло поблёскивала в свете кристаллов.

У его ног лежали тела гвардейцев — пятеро, шестеро, он сбился со счета. Они пали, защищая его, молодые и верные до последнего. Элиан смотрел на их лица и не чувствовал ничего, кроме усталости.

Перед ним собирались мятежники.

Они заполняли зал медленно, но уверенно — сотни шагов эхом отдавались под высокими сводами. Блестели клинки, звенели доспехи, шелестели плащи. Они шли не как победители, а как те, кому ещё только предстоит узнать, победили ли они на самом деле.

Элиан смотрел на них спокойно — как человек, видевший

слишком много войн, чтобы бояться ещё одной, и знавший, что смерть — не самое страшное, что может случиться с королём.

Вперед выступил Вариан.

Он стоял в лёгком доспехе, без шлема, с обнажённым, но опущенным мечом — остриём вниз. Жест, который мог означать: «Я не нападду первым». А мог — «Нападать уже незачем».

— Брат, — сказал Вариан.

Король усмехнулся.

— Не называй меня братом, — ответил он. Голос его был низким, с хрипотцой, но твёрдым. — Ты давно перестал им быть.

Вариан нахмурился. Короткая, едва заметная гримаса — но Элиан увидел её. Он всегда видел всё, что касалось его младшего брата.

— Ещё не поздно отказаться от крови, — сказал Вариан. — Ты можешь уйти. Назови меня своим преемником. Отрекись от престола. Я сохраню тебе жизнь.

— Это говоришь ты?

— Я пришёл спасти королевство, — ответил Вариан. Голос его стал жёстче. — Ты слишком стар, брат. Ты слишком долго правишь. Ты уже не видишь того, что происходит у твоих ног.

— Я вижу, — сказал Элиан.

Вариан сжал рукоять меча так, что побелели пальцы.

— Народ нуждается в сильном правителе.

— Нет, — сказал Элиан.

Он поднял меч.

Кристалл в намершии вспыхнул голубым светом — древним, чистым, почти живым.

— Народ нуждается в чести.

На мгновение в зале воцарилась тишина.

Потом Вариан поднял руку.

— Убейте его.

И началась бойня.

Они бросились на него с мечами, копьями, кинжалами, с криками, в которых смешались страх, ярость и то, что уже нельзя было остановить.

Элиан встретил их ударом.

Первый умер мгновенно — клинок вошёл в горло, и человек рухнул, не успев даже вскрикнуть. Второй получил удар в грудь, третий потерял руку и откатился в сторону, заливая пол кровью.

Старый король двигался тяжело.

Каждый шаг давался ему с трудом, каждый удар отдавался болью. Но он двигался. Он сражался.

Он убивал.

Он убивал их так, как учили королей Элариона — без пощады, без сомнений, без страха.

Но их было слишком много.

Они теснили его, окружали, наносили удары, от которых

он едва успевал уклоняться. Кровь заливала глаза, тяжёлое дыхание разрывало грудь.

Меч становился всё тяжелее, руки — всё слабее.

Глава пятая. Старые тоннели

Пока наверху замыкалось кольцо, Тайрин уводил Лилиану вниз — по каменным жилам, вырезанным в теле земли задолго до того, как был возведён дворец. О них знали только короли — и те, кому они завещали свои тайны.

Одни ходы соединяли залы с покоем, другие — башни с подземельями, но этот, древний, как сама крепость, пробитый под фундаментом ещё в те времена, когда здесь стояла первая твердыня, уходил в единственном направлении.

Он вёл не в укрытие, не в глубь камня. Он вёл наружу. Туда, где начиналась свобода. Туда, где ещё оставалась жизнь.

Стены здесь были выложены чёрным кристаллом. В свете фонарей он казался жидкой ночью, застывшей на мгновение, чтобы пропустить их. Тени плясали по стенам, и каждый шаг отдавался глухим эхом, теряясь где-то впереди.

Впереди шёл камердинер Эдрик.

Старый, сгорбленный, седой.

Он служил королю Элиану сорок лет. И сейчас он двигался удивительно быстро для своих лет.

— Лошади готовы, милорд, — сказал он, не оборачиваясь.

— Хорошо, — ответил Тайрин.

— Люди тоже. Трое. Верные.

Тайрин кивнул.

В тот же миг сзади донёсся глухой звук — будто сама гора

вздрогнула. Гул прокатился по полу, по стенам, по кристаллам и затих, оставляя лишь звон в ушах. Началось.

Настоящая битва.

Лилиана остановилась.

— Я не хочу уходить, — сказала она.

— Я знаю.

— Король там.

— Знаю.

— Ты тоже останешься там.

Он ничего не ответил.

Иногда молчание честнее любых слов.

И страшнее.

Лилиана вдруг бросилась к нему.

Крепко обняла. Так крепко, словно могла удержать его здесь, остановить судьбу, изменить будущее.

Но судьба не знает жалости — она идёт вперёд, как лавина в горах. И ей безразличны слёзы.

Тайрин прижал жену к себе.

Несколько ударов сердца они стояли молча.

Где-то далеко слышался звон стали. Крики. Топот.

Дворец умирал.

— Помнишь день нашей свадьбы? — неожиданно спросил он.

Лилиана подняла на него глаза.

— Что?

— Ты боялась подойти к алтарю.

Сквозь слёзы она невольно улыбнулась.

— Я не боялась.

— Боялась.

— Нет.

— Ты наступила на собственный подол.

— Потому что платье было тяжёлым.

— И едва не упала.

— Тайрин...

Он тоже улыбнулся.

Улыбка получилась удивительно теплой для человека, стоящего на пороге смерти.

— Тогда я поклялся защищать тебя.

Его ладонь легла ей на живот — совсем легко, будто прикосновение к будущему.

— И сегодня я сдержу клятву.

Лилиана почувствовала, как внутри что-то ломается — тихо, беззвучно, навсегда.

— Я люблю тебя.

Слова сорвались сами собой.

Тайрин прикрыл глаза.

— Знаю.

— Нет.

Она схватила его лицо обеими руками.

— Я люблю тебя.

Он накрыл ее ладони своими.

— А я люблю тебя сильнее собственной жизни.

После этого говорить стало невозможно.
Слова больше ничего не значили.
Они сказали главное.
В конце всегда остается главное.

Глава шестая. За стенами

Тоннель вывел их за пределы дворцовых стен.

Ночь встретила беглецов холодным ветром — резким, сухим, пахнущим пылью и далёкими горами.

Лилиана зажмурилась на мгновение, привыкая к открытому небу.

Семь лун всё ещё висели над головой, но теперь они казались чужими — холодными, равнодушными.

Под скалистым уступом ждали лошади. У них — три рыцаря в потёртых плащах, а с ними Эдрик, всё ещё не выпускающий фонарь. Свет плясал по их лицам, добавляя морщин, делая их старше и жёстче, чем они были на самом деле.

Все уже знали — по глазам, по лицам, по тому, как избегали смотреть на своего господина. Спрашивать не было нужды: звон мечей, крики, гул, от которого дрожала земля, говорили сами за себя.

Каждый понимал: оттуда он не вернётся.

Тайрин помог Лилиане подняться в седло. Руки его были твёрдыми, движения — быстрыми. Он не позволял себе медлить. Если бы он позволил — он бы не отпустил её никогда.
— Держись крепче, — сказал он. — Дорога будет долгой.
— Я знаю.

Он посмотрел на неё снизу вверх. В её глазах — слёзы. В его — решимость. Только решимость.

Если бы она увидела в них хоть тень того, что он чувствовал на самом деле, она бы спрыгнула с лошади. И он знал это.

Потом он снял с шеи серебряный медальон. Небольшой, потёртый, с едва заметным кристаллом внутри. Сумеречная слеза. Она сияла мягким голубым светом — тусклым, ровным, как пламя свечи в далёком окне.

— Возьми.

— Нет.

— Возьми.

Он вложил медальон ей в ладонь. Металл был тёплым от его тела. Кристалл пульсировал в такт его сердцу — или ей так казалось.

— Это принадлежало моей матери.

— Тайрин...

— Когда наш ребёнок спросит, каким был его отец... — голос впервые дрогнул,

— покажи ему это.

Она уже не пыталась сдерживать слёзы. Они текли по щекам, падали на платье, на руки, на медальон. Она не вытирала их.

Тайрин сделал шаг назад.

Если бы он задержался ещё на миг, возможно, не нашёл бы в себе сил отпустить. Но это было необходимо. Иногда любовь — не в том, чтобы удержать, а в том, чтобы отпустить.

— Увезите её.

Эдрик склонился в низком поклоне — так, как кланяются только королям. Или тем, кого считают достойнее королей.

— Клянусь жизнью, милорд.

— Если потребуется, отдайте и её.

— С радостью, мой принц.

Тайрин кивнул — так коротко, что этот жест можно было не заметить.

Но Лилиана заметила. Потому что в нём было всё: последнее прощание, последнее решение, последняя жертва.

Он развернулся и направился прочь, к дворцу, к темноте, и ни разу не обернулся. Шаг за шагом — сначала ровно, потом быстрее, будто он боялся, что остановится, если не поторопится. Ветер бросал его плащ из стороны в сторону, и в этом развевающемся тёмном полотнище было что-то от знамени, которое несут на войну, зная, что назад не вернутся.

— Тайрин! — крикнула она.

Он не обернулся.

— Тайрин!

Он продолжал идти.

— Я люблю тебя! — закричала она в ночь. — Слышишь? Я люблю тебя!

Он не обернулся.

Потому что некоторые вещи убивают даже самых сильных мужчин.

Эдрик подошёл к её лошади.

Взял поводья.

— Ваше Величество, — сказал он тихо. — Мы должны ехать.

Она стояла неподвижно, глядя, как Тайрин движется к дворцу, к своей последней ночи. Каждый шаг отнимал у неё частицу его — сначала очертания плеч, потом развевающийся плащ, потом даже звон меча.

Он становился всё меньше, пока не превратился в точку, а потом и она исчезла. Дворцовая тень проглотила его, не оставив следа. И в этом мире, который только что был полон им, теперь остались только ветер — ледяной, равнодушный, — и бесконечная ночь, которая не обещала утра.

— Мы должны ехать, — повторил Эдрик. — Пожалуйста.

Лилиана опустила глаза на медальон. Голубой кристалл в его центре пульсировал мерно, в такт её дыханию — или в такт сердцу того, кого уже не было рядом. Будто он, уходя, не смог уйти до конца и остался хотя бы так — светом, запертым в камне. Пальцы сжались, холодная оправа впилась в кожу. Свет не погас — он стал только глубже.

Глава седьмая. Двойной удар

Когда Тайрин вернулся во внутренний двор, битва уже бушевала вовсю.

Огонь пожирал западное крыло.

Языки пламени лизали стены, взбирались по колоннам, вырывались из окон, превращая ночь в адское зарево. Кристальные окна взрывались с сухим треском, разбрасывая осколки по мрамору. По камню текли ручьи крови — чёрные в свете пожарища, красные в свете лун.

Тайрин обнажил меч и улыбнулся — спокойно, почти радостно.

Впервые за эту долгую ночь он был абсолютно уверен: Лилиана спаслась, ребёнок спасся. Всё остальное больше не имело значения.

Первый ринулся на него — с воплем, в котором смешались страх и злоба. Он не успел сделать и трёх шагов. Меч Тайрина встретил его быстрее, чем он понял, что умер. Крик оборвался. Тело осело на землю.

Второй последовал за первым — Тайрин перехватил его удар, развернулся, и клинок вошёл в горло. Третий за вторым — он попытался ударить со спины, но Тайрин услышал шаги, ушёл в сторону, и противник рухнул с рассечённой грудью.

Потом их стало слишком много.

Но он не остановился.

Он шёл вперёд, шаг за шагом, не ускоряясь и не замедляясь, — как буря, которой нет преград, как пожар, пожирающий лес, как сама воля богов, явившаяся в мире в облике человека. Кровь заливала его лицо, стекала по шее, тяжелела на руках, пропитывала плащ насквозь. Его кровь. Их кровь. Она перемешалась настолько, что уже никто не смог бы сказать, где кончается одна и начинается другая. Всё вокруг стало алым — воздух, камни, небо над головой. И в этом алом мире оставался только он, Тайрин, и его меч.

Позже люди будут пересказывать эту ночь десятками голосов. Кто-то добавит чудес, кто-то убавит крови, кто-то назовёт имена, которых там не было. Но в каждой из этих историй, в каждой балладе, в каждом шёпоте у ночного костра будет звучать одно: той ночью принц Элариона не сражался как человек.

Он сражался как сама смерть.

Как надежда.

Как легенда, которой суждено жить вечно.

Элиан стоял в центре Тронного зала — и это было всё, что осталось от его королевства.

Вокруг, на каменном полу, покоились те, кто ещё час назад дышал, сражался, кричал, умирал. Гвардейцы, не предавшие его до конца. Мятежники, не сумевшие его достать. Лорды, рыцари, простые люди — все они теперь лежали вперемешку, и их кровь текла по одним и тем же трещинам в

камне. Элиан смотрел на это и не мог сказать, где заканчиваются свои и начинаются чужие.

Они стали просто телами. И это было страшнее любого поражения.

Старый король тяжело дышал.

Воздух со свистом вырывался из его лёгких, и каждый вдох стоил ему силы, которой почти не осталось. Бок горел огнём — глубокая, рваная рана пульсировала, и кровь уже не просто текла, а выливалась, заливая сапог, оставляя на полу тёмные отпечатки шагов. Он знал, что смерть уже в нём. Что каждая секунда, которую он стоит, — это кража у неё.

И всё же он стоял. И держал меч. Рука тряслась — от слабости, от боли, от времени, которого уже не осталось.

Но клинок был поднят. Потому что король умирает только тогда, когда роняет оружие.

А он ещё не уронил.

Вариан стоял напротив.

Его брат, его предатель, его палач. Почти невредимый, как будто всё это время он не сражался, а наблюдал с галереи. На лице — ни царапины, ни пятна крови. Только улыбка — та самая, которую король видел тысячи раз.

Элиан понял, что означала эта улыбка. Она означала: «Я всегда знал, что это кончится. И я знаю, как кончится это».

— Сдавайся, — сказал Вариан.

Элиан рассмеялся. Хрипло. С кровью на губах.

— Наконец-то ты сказал самую смешную шутку в своей жизни, — ответил он.

Лицо Вариана исказилось.

— Ты проиграл, — сказал он.

— Возможно.

Взгляд короля прошёлся по залу, который он знал с детства.

Трон, на который он впервые сел мальчишкой. Знамёна, под которыми его отец уходил в последний поход. Гербы предков на выцветшем бархате — каждый стежок, каждая вышитая нить хранила чью-то жизнь, чей-то подвиг, чей-то конец. Он смотрел на них, и в груди что-то сжималось. Не боль. Не страх. Просто тихое, усталое прощание с тем, что никогда не вернётся.

— Но королём тебе всё равно не стать.

— Я уже король.

— Нет.

Элиан улыбнулся.

И эта улыбка — не горькая, не торжествующая, а почти детская, умиротворённая — сказала Вариану больше, чем любые слова. За ней не было страха. Не было сожаления. Только тихая уверенность.

И в одно мгновение холодная, железная логика сложилась в его голове в страшную картину.

Лилианы нет.

Он послал за ней людей, он был уверен, что она уже в его

руках, но Элиан смотрел на него так, будто знал, что Вариан проиграл. Кровь отхлынула с его лица, и он впервые за много лет почувствовал страх.

— Где она?

Элиан молчал.

— Где она?

— Далеко отсюда.

Вариан шагнул вперёд.

— Старый дурак.

— Старый.

Элиан поднял меч.

— Но не дурак.

Из горла старого короля вырвался звук, похожий не на человеческий крик — на рык зверя, который знает, что его час пробил.

Он бросился вперёд, и в этом движении не было ни слабости, ни страха. Только чистая, неистовая воля. Никто из присутствующих не успел даже моргнуть. Даже Вариан замер на мгновение. А затем меч Элиана вспыхнул голубым — кристалл в навершии загорелся, и весь зал озарился светом, холодным и прекрасным, как последнее сияние. Он отдавал всё. Всё, что осталось.

Всё, что было.

Раз. Первый телохранитель даже не успел вскрикнуть — лезвие перерезало ему горло, и он осел, как мешок с песком.

Два. Второй получил удар в грудь, его тело отбросило назад, и он покатился по залитому кровью полу, судорожно хватая воздух. Три — и клинок Элиана, не сбавляя скорости, метнулся к Вариану. Тот отшатнулся в последний миг, и сталь пронеслась так близко, что он почувствовал на коже её ледяное дыхание. Ещё дюйм — и этот бой закончился бы иначе.

Но возраст невозможно победить.

Невозможно убежать от него, потому что он всегда идёт с тобой, тихий и неумолимый, как тень, которая не отстаёт, сколько бы ты ни старался. Он — тяжесть, которую ты носишь в себе, даже когда не чувствуешь её, даже когда думаешь, что ты ещё молод, что у тебя ещё есть время, что ты ещё успеешь сделать всё, что задумал. Но возраст не ждёт. Он не просит разрешения, не спрашивает, готов ли ты. Он просто приходит, и когда он приходит, ты понимаешь, что уже не можешь двигаться так же быстро, как раньше. Что твои руки уже не такие сильные, что твои глаза уже не такие зоркие, что твоё тело уже не слушается тебя так, как слушалось когда-то.

Он пережил три удара.

Первый — справа, он почти не почувствовал его, только глухой толчок и пульсирующую боль. Второй — слева, ноги подкосились, и мир покачнулся. Третий — не имело значения откуда, — отшвырнул его вниз, как сломанную куклу. Король Элиан опустил на колено, и в этом падении не было позора. Только усталость, такая глубокая, что даже боль стала далёкой. Он смотрел, как его кровь стекает по ступе-

ням трона, по камням, которые помнили его отца, его деда, и всех, кто был до них. Капли падали одна за другой — и он считал их, как последние секунды своей жизни.

С последним усилием он поднял голову.

Кристалльные своды сияли над ним — такие же, как в день его коронации, такие же, какими их видел его отец, и дед, и все короли до них. Чистые. Нетронутые. Вечные. Он вошёл сюда юношей, не знавшим цену власти. Спустя почти сорок лет уходил стариком, заплатившим её сполна.

Хороший путь. Нелёгкий. Но правильный.

Тень улыбки коснулась губ — и его тело обмякло, но меч остался в руке. Потому что король Элариона умирает только тогда, когда перестаёт держать оружие. А он держал.

Глава восьмая. Рассвет

Дворец пал, как только занялась заря.

Тайрин остался стоять — один из всех, кто ещё держал оружие. Но его тело было мертвее тех, кто лежал вокруг. Он не ощущал ран, не слышал криков, не видел дыма. Только тяжесть. Невыносимую, бескрайнюю, как небо над головой. Она легла на плечи, на спину, на руки, и казалось, что она давит его в землю, в камень, в самое нутро.

Он шатался, но не падал.

Десятки тел устилали камень вокруг него — и уже никто не смог бы сказать, кто из них был другом, кто врагом. Кровь застыла на доспехе коркой, спеклась на лице, склеила волосы, и он даже не помнил, когда это случилось. Час назад? Два? Всё стёрлось в одно бесконечное, тягучее мгновение, в котором не было ни начала, ни конца. Только он, его меч и тяжесть, с каждым дыханием становившаяся всё невыносимее.

Оставшиеся в живых мятежники замкнули круг — не решаясь приблизиться, не решаясь нанести удар. Они смотрели на него, как смотрят на загнанного зверя: с надеждой, что он рухнет сам, с уважением, что он ещё стоит, со страхом, что в нём остался последний бросок, последний удар, последняя смерть.

Они ждали, не атакая.

Просто стояли и смотрели, как тяжело вздымается его грудь, как хрипит воздух в лёгких, как сжимаются побелевшие пальцы на рукояти. И никто не хотел быть тем, кто шагнёт вперёд.

Он поднял голову к востоку, где небо уже начинало сереть, обещая новый день — тот, в котором её не будет рядом с ним, но который станет её днём.

Лилиана была уже далеко, вне этой ночи, вне этой крови, вне его последнего вдоха. И он позволил себе последнюю слабость — представить её. Её лицо, когда она смеялась, её глаза, когда она смотрела на него, её пальцы, такие тёплые, такие родные, касающиеся его щеки в темноте, когда она думала, что он спит.

Её голос, сонный, уязвимый, произносящий его имя, как заклинание. И в груди разлилось странное тепло — не боль, не тоска, а что-то большее. Тайрин улыбнулся, впервые за эту ночь, и понял, что не жалеет ни о чём.

Абсолютно ни о чём.

Первый из мятежников решился — копьё со свистом вошло в плечо Тайрина, пробивая плоть с глухим, мокрым хрустом. Даже грохот битвы не заглушил его. Тайрин не издал ни звука.

Ни крика, ни стона, ни сдавленного выдоха — только на мгновение замер, потом он просто вырвал древко из раны —

резко, грубо, не позволяя боли взять верх. Кровь залила руку, но он не посмотрел на неё. Переломил копье о колено — дерево треснуло сухо и бесповоротно, и в этом треске было больше угрозы, чем в любом ударе.

И шагнул вперёд. Клинок вошёл в горло врага — не в грудь, не в живот, а точно в то место, откуда рождаются крики.

Второе копье нашло его бок — глубже первого, тяжелее, безжалостнее. Оно не пробило тело, но прошло вдоль ребра, распарывая плоть, оставляя за собой глубокий, горячий след боли.

Тайрин не остановился. Он шагнул вперёд, уходя от третьего удара — и одним взмахом отправил копейщика в вечную тьму. Ещё один. Ещё. Рука двигалась сама, меч находил цели, но ноги больше не слушались. Они подогнулись, и мир накренился.

Он опустился на колено, и меч выпал из его руки — не резко, не с грохотом, а просто скользнул из ослабевших пальцев, словно они разучились сжиматься. Лезвие глухо стукнуло о камень, и этот короткий сухой звук прозвучал громче любого крика, любого удара, любого шума битвы.

Он попытался поднять меч — пальцы сжались вокруг рукояти, но мышцы не слушались, дрожали, отказывались подчиняться, будто тело решило, что достигло предела. Он попробовал снова — и снова не смог.

Замер, глядя на клинок у своих ног, и в этом взгляде было

тихое, почти спокойное понимание: это конец.

Не тот, который он хотел.

Он поднял глаза к небу и прошептал, сам не зная к кому обращается — к Богам, к судьбе, к самому миру:

— Береги их...

Он улыбнулся.

И потом тьма приняла его.

Глава девятая. Восход

Лилиана не заметила, когда перестала плакать — слёзы кончились раньше, чем боль.

Гораздо раньше.

Они мчались всю ночь.

Через леса, где стволы деревьев светились изнутри зелёным огнём. Через каменные пустоши, где ветер был так громко, что заглушал даже топот копыт. Через долины, где росли кристальные деревья с прозрачными ветвями, и в их глубине, как в застывших слезах, мерцали маленькие звёзды.

Ветер бил в лицо, выхолаживая кожу, пробираясь под плащ, как холодные пальцы, которые нащупывали каждую щель, чтобы проникнуть внутрь.

Он не был сильным, но был настойчивым, и его прикосновение было резким, почти болезненным.

Лошадь под ней хрипела от усталости, и каждый ее выдох был глухим, прерывистым, как будто она пыталась вдохнуть больше воздуха, чем могла вместить ее грудь. Бока ее вздымались, и Лилиана чувствовала, как ее тело вибрирует под ней, как ее мышцы напрягаются с каждым шагом, как ее дыхание становится всё более тяжёлым. Но она бежала. Не останавливаясь, не замедляясь, не позволяя себе передышки. Ее копыта стучали по земле, оставляя за собой глубокие следы, и этот звук, глухой и ритмичный, был единственным,

что сопровождало их в этом беге.

Лилиана не смотрела по сторонам, не искала ориентиров, не пыталась понять, где они находятся.

Она просто держалась за поводья, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, как лошадь под ней продолжает бежать.

Все они бежали.

Четверо всадников, одна женщина и её будущее.

Никто не останавливался.

Каждая потерянная минута могла стоить жизни.

Эдрик вёл их.

Он знал дорогу так, как будто родился в этом седле — старый, сгорбленный, но невероятно живучий. Он то и дело оглядывался, проверял, все ли держатся, и снова поворачивал коня на восток.

— Быстрее, — крикнул он. — Нам нужно добраться до рассвета.

— Мы будем там, — ответил страж Фэд. Он держался ближе всех к Лилиане.

— Мы будем там, — повторил страж Даян. Голос его был хриплым, но ровным. — Мы будем там, старый пёс. Не ной.

— Я не ною, — огрызнулся Эдрик, не поворачиваясь. — Я просто констатирую факты. Если мы не успеем до рассвета — нас заметят. И тогда факты станут трупами.

Иград, самый молодой из них, молчал — только сжимал поводья и смотрел вперёд. Лицо его было бледным в холодном свете лун, но глаза оставались сосредоточенными.

Лилиана не говорила с ними.

Она не могла.

Каждое слово казалось слишком тяжёлым.

Она просто держалась в седле и смотрела на спину Эдрика, на его седую голову, на то, как уверенно он ведёт их через ночь и смотрела вперёд — туда, где за горами начинался Валлиор.

Её родина. Земля, которую она покинула, чтобы стать женой наследного принца Элариона, и земля, куда она возвращалась теперь беглянкой. Она не знала, что скажет отцу.

Она знала только одно: там — единственное место, где она может быть в безопасности. Где её ребёнок может родиться и вырасти.

Наконец впереди показались горы Валлиора — высокие, неприступные, озарённые первыми проблесками рассвета.

Их вершины касались неба, и на них, как на огромных зеркалах, отражался свет уходящих лун.

Это был не просто горный хребет, не просто линия на карте, за которой начиналась другая земля. Это была граница — та, что отделяла старый мир от нового, то, что она оставляла позади, от того, что ждало её впереди. Граница между Эларионом и Валлиором. Здесь, на этой линии, где камень встречался с небом, заканчивалась смерть и продолжалась жизнь.

Эдрик поднял руку.

Лошади замедлили бег.

— Смотрите, — сказал он.

Лилиана подняла голову.

И увидела.

Прямо перед ними, в узком ущелье, где горы расступались, чтобы пропустить путников, стояла крепость. Она выросла в скалы так, будто выросла из них — тёмный камень стен сливался с серыми утёсами, и только башни выдавали руку человека.

Ворота — массивные, кованые, с гербом Валлиора: серебряный глаз в центре семи расправленных крыльев на чёрном поле.

Ворота были закрыты. Над ними, на зубчатых стенах, мерцали огни факелов. Лучники в дозорных башнях уже заметили всадников — Лилиана видела, как они зашевелились, как один из них поднял руку, подавая знак.

Башни — четыре по углам, высокая дозорная в центре — смотрели на запад, туда, откуда могла прийти угроза. Сквозь бойницы едва заметно поблёскивали наконечники стрел.

Внизу, у подножия стен, виселись каменные надолбы, за которыми укрывались лучники в случае осады. А по краям дороги — частокол из заострённых кольев, покрытых старыми, высохшими пятнами.

Крепость была старой. Она помнила войны, которых уже не было в книгах. Она видела армии, которые подходили к её стенам и уходили ни с чем. И сейчас она стояла — тёмная,

мощная, неприступная.

Лилиана смотрела на крепостные стены и понимала: они добрались. Были в безопасности. Но внутри неё не было ни облегчения, ни радости — только пустота, холодная и глухая, которая заполнила её изнутри, как вода заполняет трещины в камне, не оставляя места ни для звука, ни для дыхания.

Она остановила коня на вершине холма, перед самым спуском к воротам. Ветер развеивал её светлые волосы, трепал плащ, касался лица холодными пальцами. Под сердцем билось будущее — последняя кровь Элиана, последняя надежда Тайрина, последняя искра павшего королевства.

И в ту же секунду край горизонта вспыхнул первым светом.

Белым.

Чистым.

Он поднимался не спеша, как дышит просыпающийся мир, и всё вокруг начинало оживать: тени уползали, воздух теплел, дали становились отчётливыми. Свет струился по долинам, как расплавленное серебро, и кристаллы в скалах зажигались тысячами отражений, словно земля открывала глаза после долгой, долгой ночи.

А затем, следом за первым, появилось второе солнце — золотое, тёплое, наполненное светом, который разливался по миру, как растопленный янтарь. Его лучи бежали по верши-

нам гор, окрашивая их в медь и старые золотистые тона. Лилиана смотрела на этот рассвет, и свет касался её лица, её рук, её тела, уставшего до костей, и в этом касании было что-то древнее, почти материнское. Оно не спрашивало её, готова ли она.

Оно просто было.

Оно обещало, что мир не остановится. Что он продолжит дышать, кружиться, рождать дни — независимо от того, знаешь ли ты, как жить в них.

И наконец взошло третье солнце — алое.

Оно не просто поднималось — оно рождалось из-за края мира, медленно, но неотвратно, как дыхание огромного существа, просыпающегося после долгого сна. Оно было таким огромным, что казалось, само небо не вмещает его, и его свет — тёплый, густой, как кровь в жилах древних богов, — коснулся земли. Оно не ослепляло и не обжигало — оно наполняло.

Оно было похоже на сердце, бьющееся в такт с этим миром, дарующее жизнь, тепло и надежду даже тем, кто не знает, что эти слова значат.

Три света переплелись — серебро, золото, багрянец.

Они танцевали над горами, над долинами, над старой крепостью, оставляя позади смерть и обещая впереди жизнь.

Лилиана смотрела на три восходящих солнца. Их свет проникал в неё — тёплый, чистый, обещающий новое нача-

ло.

И понимала: та, которая покинула дворец этой ночью, умерла. На холме стояла уже другая женщина. Принцесса. Дочь короля. Наследница престола Валлиора. Мать, которая ещё не знает, каким будет будущее её ребёнка — но знает одно: он родится в своём доме. Он родится свободным. И у него будет будущее, даже если для этого ей придётся пройти через войну.

Она вернулась домой — не как просительница, а как та, кто требует правды и справедливости. Она единственная дочь короля Хальрода. И она знает: отец не оставит её.

И над ней поднимался новый день — такой же прекрасный, такой же страшный, такой же неизвестный, как сама судьба. А далеко на западе, за сотнями лиг, ветер кружил над руинами Элариона, над телами павших героев, над тронном, добытым предательством, и над человеком, который назвал себя королём.

Она сжала поводья.

— Мы в Валлиоре, — сказал Эдрик, подъезжая к ней. Его голос был сухим, почти официальным. — Я выполнил приказ принца. Дальше вы — в своих землях.

Лиана смотрела на закрытые ворота, на герб отца над ними. Её герб. Её дом.

— Вы знаете, как попасть внутрь? — спросил Эдрик. — Мне неизвестны здешние порядки.

— Знаю, — ответила она.

Она тронула поводья.

Лошадь сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

Лилиана подъехала к самым воротам, подняла голову к стене и крикнула так, как учили её в детстве — громко, ясно, с той особенной властностью, которая бывает только у тех, кто родился в королевском замке:

— Откройте ворота! Я — Лилиана из рода Валлиоров, дочь короля Хальрода! Именем моего отца и правом крови — отворите!

На стене зашевелились — лучники переглянулись, кто-то опустил лук. Один из них, старший, с седой бородой, перегнулся через зубец и всмотрелся в неё, щурясь на восходящем сиянии.

— Принцесса? — переспросил он, всматриваясь в её лицо. На мгновение его взгляд задержался — и что-то дрогнуло в его глазах. Он замолчал, сглотнул, затем крикнул вниз:

— Открывайте ворота! Это принцесса Лилиана. Я узнал её! Живее!

Лилиана смотрела на него снизу вверх — он узнал её. Просто по глазам, по тому, как она держится, по тому, как назвала себя без колебаний и без опущенного взгляда.

— Спасибо, — сказала она. Коротко. Но так, как умеют только те, кто знает цену словам.

— Добро пожаловать домой, принцесса, — ответил он.

Ворота медленно распахнулись, и Лилиана выдохнула, только сейчас поняв, что всё это время не дышала.

Она тронула поводья и въехала внутрь.

Глава десятая. Крепость

Внутренний двор крепости оказался больше, чем казалось снаружи. Мощёный серым камнем, он был пуст в этот ранний час — только несколько солдат чистили оружие у дальней стены, да старый пёс дремал у колодца.

Воздух пах камнем, пылью и дымом из кухонных труб — запах пограничной крепости, запах постоянной готовности.

Из караульного помещения вышел офицер — молодой, лет двадцати пяти, с рыжеватыми усами и быстрым взглядом. На груди — герб Валлиора.

Он остановился перед Лилианой, окинул её быстрым оценивающим взглядом — и что-то в его лице изменилось.

Он вытянулся.

— Принцесса, — сказал он. — Прошу прощения. Вас не ждали. Господин комендант сейчас выйдет.

Лилиана кивнула.

Она не спешила — ждала, пока к ней выйдет тот, кто здесь главный. Офицер развернулся и скрылся в здании. Минута. Другая. Сейчас они ничего не значили, потому что она уже не считала их, не измеряла, не пыталась уложить в привычные рамки. Время перестало быть временем — оно стало просто ожиданием.

Она ждала дольше, когда они мчались через ночь — когда время текло, как густая, тёмная вода, в которой невозможно

было различить течение.

Тогда минуты были тяжелее — как камни, которые она несла в себе, не зная, когда сможет их отпустить. Она не знала, сколько их было — этих минут, этих часов, этих мгновений, которые сливались в одно непрерывное движение.

Лошадь сделала нетерпеливый шаг вперёд. Лилиана остановила ее легким поглаживанием.

Потом дверь открылась, и на пороге появился комендант — высокий, широкоплечий, лет сорока пяти. Лицо его, обветренное и жёсткое, было изрезано глубокими морщинами у глаз — следами долгого вглядывания в горизонт. Короткая седина тронула виски. На плечи был накинута чёрная плащ с серебряным гербом Валлиора.

Комендант остановился перед ней.

Внимательно посмотрел тяжелым, оценивающим взглядом — так смотрят на тех, кто появляется без предупреждения, в неожиданный час.

— Капитан Дорн, — представился он. — Комендант этой крепости.

Он смотрел долго.

В его взгляде не было враждебности — только настороженность военного, привыкшего взвешивать каждое слово, каждое движение.

Но что-то в её лице, в том, как она держалась, несмотря на усталость и дорожную пыль, заставило его остановиться

дольше обычного.

И вдруг он опустился на одно колено.

— Ваше Величество, — сказал он, и голос его стал ниже.
— Я не знал, что вы возвращаетесь. Примите моё уважение.

Лилиана смотрела на него сверху вниз. На человека в чёрном плаще с серебряным гербом на груди. На коменданта пограничной крепости, который опустился перед ней на колено, хотя она стояла перед ним в пыли и слезах, без короны, без свиты, одна.

— Встаньте, капитан, — сказала она. — Я не королева. Я принцесса. И я прошу у вас убежища.

Дорн поднялся. В его глазах мелькнуло удивление — и уважение.

— Вы дочь нашего короля, — сказал он. — Вы всегда желанны в этих стенах. Но я вижу, что вы не просто решили навестить родные места. Что случилось, принцесса?

Лилиана смотрела на него. Она знала, что должна сказать правду, и чем быстрее, тем лучше.

— В Эларионе переворот, — сказала она. — Мой муж остался там. Его отец, король Элиан, — возможно, уже мёртв. Мне нужно, чтобы вы отправили гонца к моему отцу. Немедленно.

Дорн нахмурился.

— Переворот? — переспросил он. — Кто?

— Вариан, — ответила она. — Младший брат короля. Он захватил дворец. Я бежала с четырьмя спутниками. Тайрин

остался, чтобы задержать их. Чтобы дать нам время уйти.

Дорн молчал несколько мгновений. Обдумывал услышанное, взвешивал каждое слово. Потом кивнул.

— Я отправлю гонца в столицу. Сейчас. Король Хальрод узнает о перевороте. О том, что вы вернулись.

Он повернулся к офицеру:

— Лейтенант, приготовьте для принцессы лучшие покои и горячую еду. И проследите, чтобы гонец к королю Хальроду выехал немедленно — с письмом, которое напишет принцесса.

Он снова посмотрел на Лилиану.

— Вы, должно быть, устали с дороги.

— Я устала, — ответила она. — Но я не хочу есть и не хочу спать. Я хочу написать письмо отцу. Сейчас. А потом я поеду следом за гонцом.

Дорн на мгновение задержал на ней взгляд, словно взвешивая её слова. Затем покачал головой.

— Это небезопасно. Дорога до столицы — два дня. Вы едва держитесь в седле.

— Я поеду, — твёрдо сказала она. — Я не могу ждать.

Он помедлил. Потом кивнул.

— Тогда проходите. Я дам вам бумагу и перо. Гонец выйдет сейчас. Вы отдохнёте четыре часа и выедете следом. Я дам вам сопровождение.

Лилиана хотела возразить — сказать, что не будет ждать четыре часа. Но она знала, что он прав. Она едва стояла на

ногах.

— Четыре часа, — сказала она. — И я выезжаю.

Дорн провёл её в комнату, где на столе уже лежали бумага, перо и чернила.

Лилиана села.

Она взяла перо, обмакнула в чернила и начала писать быстро, коротко, без лишних слов:

«Отец.

В Эларионе переворот. Вариан убил короля Элиана. Тайрин остался там. Я бежала с четырьмя спутниками. Я жива. Ребёнок жив.

Я еду к тебе. Мне нужна твоя помощь.

Твоя дочь, Лилиана».

Она свернула письмо, запечатала воском с кольца, которое носила на пальце — герб Валлиора.

Она передала его Дорну.

— Пусть гонец выезжает сейчас, — сказала она. — А я выеду через четыре часа.

Дорн взял письмо и кивнул:

— Будет сделано.

Помедлив, он тихо добавил:

— Хорошо. Вы отдохнёте четыре часа. Я дам вам сопровождение. Десять человек. Лучших. Доведут до столицы.

Он повернулся к офицеру:

— Лейтенант, проводите их. Приготовьте комнату для принцессы. И распорядитесь: десять всадников, отборных.

Свежих лошадей. Провизию на три дня. Через четыре часа всё должно быть готово.

— Будет сделано, господин комендант, — офицер вытянулся и жестом пригласил Лилиану следовать за ним.

Дорн снова посмотрел на неё.

— Тогда отдыхайте. Через четыре часа вы выступаете.

Он развернулся и ушёл обратно в здание.

Лейтенант повёл их через двор. Внутри крепости было прохладно, но сухо — горный воздух, ещё не прогретый утренними солнцами, пах камнем и пылью. Где-то на кухне уже грели воду, и лёгкий запах дыма смешивался с прохладой коридоров.

Они поднялись по каменной лестнице на второй этаж.

— Ваша комната, — сказал офицер, открывая дверь. — Она скромная, но чистая. Сейчас принесут горячую воду и еду.

Лилиана вошла.

Комната была небольшой, с толстыми стенами, узким окном, выходившим во внутренний двор. Кровать, стол, два стула, сундук.

Она повернулась к офицеру.

— Спасибо, — сказала она.

Он поклонился и вышел.

Лилиана осталась одна.

Она стояла посреди комнаты, глядя на узкое окно.

За ним — горы.

Серые, каменистые, с острыми гребнями, которые разрезали небо, как лезвия. Их склоны были крутыми, изрезанными глубокими трещинами, и в некоторых местах виднелись тёмные пятна — возможно, тени, возможно, растительность, которая цеплялась за камни. Она узнавала их: самую высокую, с острым пиком, похожим на клык, и те, что чуть ниже, с пологими склонами.

Между ними, в глубоких ущельях, текли реки. Она видела их серебристые изгибы, отражающие свет трёх солнц.

Родная земля.

Но Лилиана облегчения не чувствовала. Только пустоту и тупую, ноющую боль, которая поселилась в груди и, казалось, уже не пройдёт никогда.

Она села на край кровати и сжала в руке медальон Тайрина. Кристалл внутри пульсировал мягким голубым светом — так, как пульсировало его сердце, когда он обнимал её перед расставанием.

— Я еду, — прошептала она. — Я еду к отцу. Я расскажу ему всё. И я вернусь за тобой.

Она легла.

Прижала к груди Сумеречную слезу.

Закрыла глаза.

И почти сразу провалилась в глубокий сон.

—

Утренний туман стелился по земле тяжелыми волнами, перетекал из тени в тень с медлительностью существа, ко-

торому некуда спешить. Он пах влажным камнем, смолой и чем-то едва уловимым — сладковатым, почти минеральным — так пахнут кристаллы Сумеречной слезы после ночного дождя, когда влага проникает в их грани и на мгновение освобождает запертое внутри тепло.

Они шли.

Впереди — Тайрин. За ним — она.

Лес принимал их без слов.

Стволы деревьев уходили вверх — прямые, как колонны забытого собора, покрытые корой цвета мокрого пепла, изрезанной глубокими трещинами. В этих трещинах гнездились мох и лишайник, и они светились — слабо, почти неправдоподобно — бледным серебристо-голубым светом, который не давал теней, но делал темноту живой. Корни выпирали из земли узловатыми арками. Под каждой такой аркой таился свой маленький мир: слой прелой хвои, горсть земли, пронизанной тонкими белыми нитями грибницы, а в самых тенистых уголках — слабо мерцающие крупички кристаллов, осевшие с утренней росой.

Сейчас, в предрассветной мгле, они жили. Каждая крупичка хранила память о той самой огненной крови планеты, что текла в недрах. И этой памяти хватало, чтобы гореть. Не ярко, не кричаще — изнутри, тихим, пульсирующим светом, то фиолетово-голубым, то сиреневым, то золотисто-розовым, то почти белым. Они мерцали в такт чему-то невидимому. Дыханию планеты. Биению её каменного сердца.

Между ними, по земле, по корням, по нижним ветвям деревьев, струились споры ночного мха — голубоватые, прозрачные, похожие на медленный дым, который забыл подняться вверх и решил остаться здесь, у земли, среди кристалльных круп и корней. А с ветвей свисали тонкие пряди влажного воздуха, и в них вспыхивали и гасли крошечные искры — лесные огни, жучки размером с ноготь, переговаривавшиеся светом на языке, древнее любого слова.

«Вспышка. Пауза. Огненная вспышка в темноте».

Взгляд Лилианы упал на спину Тайрина, и она подумала: если закрыть глаза, всё равно будет знать каждое его движение.

Чуть склонённая голова — значит, слушает. Лёгкая пауза в шаге — значит, впереди камень или корень. Плащ на его плечах жил своей жизнью: то отливал холодным серебром мокрой коры, то сливался с бархатной чернотой тени, то вспыхивал глубоким зелёным — цветом мха, только что омытого дождём.

Иногда, когда они проходили мимо особенно крупных скоплений кристаллов, плащ на мгновение загорался глубоким, фиолетово-синим — отражал свет кристаллов и нёс его с собой ещё несколько шагов, пока тьма снова не забирала своё.

Лилиана заметила, что пытается угадать следующий оттенок. Это помогало не думать. О том, куда они идут. О том, зачем.

Лямка комбинезона врезалась в плечо. Она поправила её, ощутив, как холодная сырость уже добралась под ткань., оставила на коже мурашки. Туман оседал на ресницах мельчайшими каплями; она то и дело смахивала их, щурясь.

По дороге встречались следы: старое кострище — пепел ещё хранил запах смолистого дерева — примятые круги на траве, где стояли палатки. Сборщики кристаллов проходили здесь, по почти недоступной местности, к озеру Сумеречное Око. Ветер доносил обрывки их голосов с верхних уступов — слова растворялись в шуме хвои, не давали разобрать смысла.

Затем — резкий звук осыпающихся камней.

Тайрин остановился. Замер. На мгновение дольше обычного.

Лилиана тоже замерла — вся слух, вся натянутая струна. Тишина вдруг стала настороженной, притаившейся.

Из темноты между скалами донёсся долгий, низкий стон. Туманный крикун. Его голос был похож на звук обвала, случившегося давно и далеко — эхо чего-то, чего уже нет.

Тайрин двинулся дальше.

Она выдохнула — и, сама того не заметив, прибавила шагу.

Не потому, что испугалась.

Просто она хотела быть ближе.

«Два сердца, стянутые одной тайной».

Мысль пришла сама — и не уходила. Цеплялась, как ту-

ман цепляется за ущелья, как свет цепляется за грани кристаллов и не отпускает, множится, живет дольше, чем должен.

Тайрин не оборачивался. Просто шёл — принимал первый удар на себя, прорубался сквозь тишину, выбирал дорогу. А она шла следом, смотрела в его спину, в живую игру теней и отражений на его плаще — фиолетово-синий, серебро, зелень, снова фиолетово-синий — и знала: что бы ни ждало впереди, за следующим поворотом тропы, за краем этого тумана, за горизонтом, который три солнца только начинали окрашивать в цвета рассвета, — встретят они это вместе.

Она проснулась в тишине.

Резко. Сразу. Как будто её выдернули из воды.

Сердце колотилось. Она лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как уходит сон — медленно, нехотя, оставляя после себя странное, щемящее ощущение. Будто это случилось только что. Будто они шли с Тайрином сейчас. Будто она всё ещё чувствовала его спину перед собой, слышала его шаги.

Это был не просто сон — это было воспоминание.

Они с Тайрином прошли этим лесом за несколько дней до переворота. Она тогда не знала, что это будет их последний поход.

Последний раз, когда она шла за ним, не думая о смерти.

Она вновь закрыла глаза, пытаясь вернуть его — хотя бы в мыслях, хотя бы в памяти: увидеть его лицо, услышать голос,

почувствовать тепло его руки на своей. Но сон ушёл.

Осталась только тишина.

И холодная, пустая комната.

Она открыла глаза и посмотрела в окно.

Три солнца всё ещё поднимались над горами — белое, золотое, алое. Они почти не сдвинулись с того места, где были, когда она закрыла глаза. Значит, спала она недолго.

Очень недолго.

Она села на край кровати.

Медальон с кристаллом соскользнул с груди и мягко стукнулся о колени. Лилиана сжала его в ладони и поднялась. Ноги дрожали.

Она вышла в коридор.

Тишина. Только где-то внизу — голоса, редкий звон металла, шаги. Они доносились снизу, с крепостного двора, как отголоски другой жизни, которая продолжалась без неё. Звук были приглушёнными, неразборчивыми — кто-то переговаривался, кто-то передвигал что-то тяжёлое, кто-то шёл, не замедляя шага. В этом шуме не было суеты — он был ровным, привычным, как дыхание места, которое живёт своей жизнью.

Она спустилась по лестнице. Навстречу вышел тот же лейтенант — молодой, с рыжеватыми усами и быстрым взглядом. Он увидел её и остановился.

— Ваше Величество, — сказал он. — Вы проснулись.

— Сколько я спала? — спросила она.

— Час, Ваше Величество. Не больше.

Она кивнула.

— Вода для умывания давно готова, — сказал лейтенант.

— Капитан приказал, чтобы вы ни в чём не нуждались.

— Где он?

— Он во дворе. Проверяет лошадей. Сопровождение готово. Вы можете выезжать, как только будете готовы.

Лилиана смотрела на него, и в её голове прокручивались слова: «Час. Только час»

— Мои люди. Где они?

— Размещены здесь, Ваше Величество, — он показал рукой на закрытую дверь. — Им принесли еду и воду. Капитан приказал, чтобы они отдыхали, пока вы не решите выезжать.

Лилиана кивнула.

Она прошла к двери, за которой, по словам лейтенанта, разместили её спутников, и тихо приоткрыла её.

В комнате было тесно — три узкие кровати стояли вдоль стен, и на каждой кто-то лежал.

Эдрик спал на ближней к двери, укрывшись старым легким одеялом. Его лицо, обычно собранное и сухое, сейчас выглядело по-стариковски усталым — морщины казались глубже, веки — тяжелее. Он даже не снял сапог — просто рухнул и выключился.

Страж Даян занял вторую кровать. Он спал в доспехах, положив меч рядом, на пол, у самой руки. Он не снял даже наплечники — как будто в любой момент был готов вскочить

и снова ринуться в бой. Старый рыцарь не доверял покою.

Страж Фэд лежал на третьей кровати, на спине, закрыв глаза.

Лилиана заметила, что он дышит ровно, но как только она приоткрыла дверь, его глаза открылись. Он не спал — он ждал. Он посмотрел на неё, и она кивнула ему. Он кивнул в ответ.

Молодой Иград устроился прямо на полу, положив голову на свёрнутый плащ — кроватей не хватило на всех. Но он, в отличие от остальных, спал глубоко и безмятежно, как спят только те, кто ещё не знает, что такое настоящая усталость.

Лилиана смотрела на них.

На тех, кто не задавал вопросов.

На тех, кто был готов умереть за неё.

Затем тихо прикрыла дверь и повернулась к лейтенанту.

— Пусть спят, — сказала она. — Разбудите их, когда я буду готова выезжать.

Лейтенант кивнул.

Лилиана повернулась и пошла по коридору к выходу.

Она вышла во двор.

Три солнца только начали подниматься над стенами крепости — золотое, белое и алое ещё низко висели над горизонтом, заливая двор длинными утренними теньями. Воздух был прохладным, но уже обещал дневную жару.

Лейтенант вышел следом и остановился рядом с ней.

— Завтрак для вас готов, Ваше Величество, — сказал он.

— Разрешите подать его вам в комнату?

Лилиана помедлила. Она хотела сказать «нет», но тело напомнило ей о пустоте внутри.

Она кивнула.

— Да. И кувшин с водой. И полотенце.

Она оглядела двор.

— Где конюшня?

Лейтенант указал рукой влево:

— Под навесом, Ваше Величество, за углом.

— Отнесите всё в мою комнату, — сказала она и направилась в ту сторону, куда он показал.

— Отлично, — ответил лейтенант. — Всё будет в вашей комнате. Завтрак — на столе. Вода — горячая.

Она кивнула и направилась к конюшне.

Лошади стояли в тени, низко опустив головы, с поникшими ушами. Их уже расседлали — сёдла и потники аккуратно сложены у стены. Бока вздымались тяжело и неровно — они ещё не отошли от бешеной скачки через горы и долины, через леса и пустоши, через эту долгую, бесконечную ночь.

Конюх — молодой парень с рыжими веснушками — подносил им воду, но они пили медленно, без жадности. Слишком устали. Слишком много отдали.

Лилиана подошла к своей гнедой кобыле с белым пятном на лбу. Та подняла голову. Посмотрела на неё спокойным, тёплым взглядом. В нём не было упрёка — только усталость.

Такая же, как у самой Лилианы.

Она погладила её по морде. Кожа была горячей, влажной от пота, и Лилиана почувствовала, как кобыла чуть заметно прикрыла глаза, принимая это прикосновение как награду.

— Ты сделала всё, что могла, — тихо сказала она. — Отдыхай.

Она постояла ещё мгновение, чувствуя под ладонью тепло и тяжесть живого тела, которое провезло её через ночь. Потом развернулась и пошла обратно в свою комнату.

Там действительно стоял кувшин с тёплой водой. И на столе — хлеб, сыр, кружка молока.

Она умылась. Сбросила дорожную пыль с лица, с рук. Волосы — спутанные, грязные — стянула в тугий узел, чтобы не мешали. Платье было безнадежно испорчено, но другого не было.

Через сорок минут она уже стояла во дворе.

Десять всадников в чёрных плащах с серебряным гербом Валлиора на груди. Лошади — крепкие, свежие, уже оседланные.

Эдрик стоял в стороне, рядом с ним — страж Даян, страж Фэд и молодой Иград.

Капитан Дорн подошёл к ней.

— Гонец выехал час назад, — сказал он. — Письмо у него. Я приказал ему мчаться без остановки, меняя лошадей на станциях. К вечеру завтра он будет в столице.

— Хорошо, — ответила она.

— Ваши лошади отдыхают. Я приказал дать вам свежих.

Пятеро — для вас и ваших людей.

Лилиана посмотрела на лошадей. Крепкие, молодые, с лоснящимися боками — они переступали с ноги на ногу, полные сил, готовые к дороге.

Она кивнула.

— Спасибо, капитан.

— Вы будете менять лошадей на почтовых станциях. Я дал вам письмо к смотрителям — они дадут вам свежих.

Лилиана снова кивнула. Она уже взялась за луку седла, чтобы подняться, но задержалась на мгновение.

— Спасибо за приём и отдых, капитан.

Дорн коротко поклонился.

— Мы всегда рады видеть вас, принцесса.

Лилиана вскочила в седло. Лошадь под ней качнулась, переступая с ноги на ногу, но сразу успокоилась, чувствуя твёрдую руку.

Она посмотрела на своих людей.

Эдрик уже сидел на коне, страж Фэд и страж Даян — тоже.

Молодой Иград, чуть приотстав, торопливо поправлял поводья.

Она подняла руку.

— Вперёд!

И отряд двинулся.

Лошади рванули с места, вылетая за ворота крепости, на дорогу, что вела на восток — в столицу Валлиора, к королю Хальроду.

Сухой, тёплый ветер ударил в лицо — горный, пахнувший камнем и свободой. Крепость осталась позади, со своей тишиной и стенами, которые больше не держали её.

Впереди была только неизвестность — и та надежда, которую она несла не в руках, а внутри, под сердцем, между вдохом и выдохом.

Глава одиннадцатая. Утро вне мира

Они мчались на восток уже несколько часов.

Кони шли ровно, не сбавляя шага.

Дорога вилась между холмов, петляла, уходила в долины, и с каждым поворотом Валлиор открывался по-новому.

Лилиана почти не смотрела по сторонам. Взгляд её был устремлён вперёд, туда, где за горизонтом ждал отец. Но мысли, уставшие от боли и страха, уходили в сторону — рисовали картины мира, который она покинула. Не Элариона, не горящего дворца, а мира, где всё было правильно. Она думала о том, как скоро проснутся жители.

Как откроются мастерские ремесленников.

Как холодные кристаллы, разбуженные Белым, отмеренные светом Золотого, в лучах Алого начнут оживать — переливаться, вспыхивать изнутри, будто просыпаясь от долгого сна.

Руки мастеров, ведомые уже не расчётом, а тем особым чутьём, которое приходит только с опытом, почувствуют скрытую в камне мелодию. Резец освободит форму, спящую в глубине, и та начнёт ловить и играть светом — как живая.

Она вспоминала рынки.

Те, где они любили бывать с Тайрином по утрам, когда он вытаскивал её из дворца под каким-нибудь пустячным предлогом, а сам улыбался, глядя, как она разглядывает товары.

Там воздух был особенным: густым от запахов свежих лепёшек, кожи и краски. Голоса сплетались в мощный, хаотичный гул жизни — торг, смех, перекличка. Торговцы выкрикивали товар, покупатели торговались, дети носились между ног взрослых. Всё это сливалось в единый шум, без которого город мёртв.

Она думала о художниках.

О том, как они замирают на рассвете, поймав нужный свет. Как этот свет ляжет на холст живым мазком, превращая простую охру в пламя, а синеву — в глубину неба. Как он подскажет идеи, щекоча воображение, пока оно не выплеснется в танце кисти.

Она думала о детях.

О том, как они выбегут во дворы, и в их играх свет станет соучастником. Луч — мостом через воображаемую пропасть. Кристаллическая пыль в воздухе — волшебной пылью. Их крики и смех — самые чистые ноты в этом всеобщем гимне пробуждённой жизни.

Начнётся истинный праздник существования. Золотая пауза между строгой дисциплиной утра и трепетной тайной вечера.

Лилиана сжала поводья.

Всё это будет — завтра, послезавтра, каждый день. Мир будет просыпаться, жить, дышать, смеяться. Но не для неё.

Для неё утро теперь — это пыль на лице, тяжесть в груди и дорога, которая уводит всё дальше от того, кого она любила.

— Долго ещё до столицы? — спросила она Эдрика, который мчался впереди нее.

Он придержал коня, поравнялся с ней.

— К завтрашнему вечеру будем, Ваше Величество. Если кони не сдадут.

— Они не сдадут, — ответила она. — Они должны не сдать.

Эдрик ничего не сказал. Только посмотрел на неё — и в его взгляде было что-то, чего она не могла прочесть. То ли уважение. То ли жалость. То ли понимание.

Она отвернулась.

— Смотрите, — вдруг послышался голос молодого Играда. Он указывал рукой в сторону ближайших деревьев.

Лилиана оглянулась и ахнула. Деревья стояли чёрные. Не обгоревшие — почерневшие, будто из них выкачали саму жизнь.

Листья висели безжизненными лохмотьями, ветви скрючились, словно в предсмертной судороге.

— Остановимся! — сказала она Эдрику.

Он поднял руку, подавая знак отряду.

Лошади замедлили бег, зафыркали, перебирая ногами, и с облегчением опустили головы, позволяя всадникам ослабить поводья. Их бока ходили ходуном, а из ноздрей вырывались клубы пара — они вымотались не меньше людей.

Все спрыгнули с сёдел.

Страж Фэд направился к Лилиане, чтобы помочь. Она не стала ждать и прыгнула сама, едва касаясь земли, и пошла к деревьям. Эдрик и страж Даян двинулись за ней, поручив лошадей Играду.

Лилиана подошла ближе. Ветви нависали над ней, чёрные, безжизненные. С них, медленно и тяжело, стекала маслянистая жижа.

Она не блестела, не переливалась — она ползла, как живая, оставляя за собой липкие следы на коре. Там, где она касалась земли, трава чернела и сворачивалась, словно обожжённая.

— Что это? — выдохнула она.

Эдрик не ответил сразу.

Он прищурился, вглядываясь в почерневшие деревья, наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то. Его взгляд скользнул по стволам, по ветвям, по земле под ними — оценивал, сопоставлял, искал объяснение.

— Странно, — сказал он наконец. — Очень странно. Я такого не видел, — и медленно, с той осторожностью, с какой подходят к чему-то незнакомому, приблизился к ближайшему дереву.

Протянул руку, коснулся ствола. Кора была сухой, крошащейся, и под пальцами она рассыпалась в чёрную труху.

Он поднёс руку к лицу, понюхал пальцы.

Нахмурился.

— Пахнет гарью, — сказал он. — Но не совсем так. Что-

то другое. Сладковатое.

Лилиана подошла к нему и тоже коснулась одной из капель.

Она была густой, тягучей — не как вода. Как тёплый воск. Она не впиталась в кожу, не стекла — осталась на пальце, будто не желая расставаться.

— Да, это странно, — подтвердила Лилиана, глядя на свой палец. — Очень странно.

Она растёрла субстанцию между пальцами — та не испарялась, не впитывалась, оставляла жирный, маслянистый след.

— Не похоже на росу, — сказала она. — Роса бы впиталась. Или стекла. А это... это как смола.

Эдрик подошёл к другому дереву. Провёл пальцем по ветке — чёрная жижа потянулась за ним липкой нитью, не обрываясь.

— Конечно, это не роса, — сказал он медленно, — Как такая прилипчивость может впитаться? И какую дать жизнь?

Лилиана смотрела на чёрные капли, на голые ветви, на землю, которая под ними казалась мёртвой, — и в её взгляде было удивление. Впервые после той ночи она смотрела на что-то, не связанное с болью, страхом или бегством. Впервые её мысли оторвались от Тайрина, от горящего дворца, от его отца.

Она наклонилась ближе к ветке, не боясь испачкать плащ, и разглядывала чёрную жижу, её текучесть, то, как она сте-

кала — медленно, нехотя, будто не хотела покидать дерево.

— Что вы видите, Ваше Величество? — спросил Эдрик, подходя к ней.

— Я вижу, что это не просто грязь и не сажа, — ответила она, не оборачиваясь. — Грязь не течёт так. Сажа не оставляет липкого следа. Это что-то иное. Что-то, что не должно быть здесь.

Она выпрямилась, посмотрела на свои пальцы, на которых всё ещё оставался жирный, маслянистый след. Потёрла их друг о друга — пятно не стёрлось, только расплылось.

— И я хочу знать, почему оно здесь. — сказала она.

Она задумчиво пошла к лошади.

Подошла к Играду, который держал её лошадь под уздцы, и взяла у него поводья. Пальцы сжали их — крепко, привычно.

— Мы должны ехать, — сказала она, не оборачиваясь.

Страж Фэд шагнул к ней, когда она уже взялась за седло, чтобы подняться, — протянул руку, собираясь помочь. Но она подняла ладонь, останавливая его.

— Я сама.

И вскочила в седло.

Лошадь качнулась, переступила ногами, но сразу замерла, чувствуя уверенную руку.

Лиλιана посмотрела на почерневший лес.

Потом перевела взгляд на дорогу, уходящую на восток.

— Вперёд, — сказала она. И голос её был твёрже, чем она

сама ожидала.

Они тронулись.

Лес оставался позади — чёрный, мёртвый, оставляющий после себя только липкий след на пальцах и холод в груди.

Глава двенадцатая.

Слёзы Сумеречного Ока

Лошадь мерно перебирала ногами, унося её всё дальше на восток.

Ветер свистел в ушах, пыль оседала на плаще, но Лилиана почти не замечала этого — мысли унесли её в другое время, в другой разговор.

Воспоминание пришло само, без усилия, как будто Тайрин стоял рядом и касался её плеча.

— Знаешь, — сказал он тогда, и в голосе его проступила тёплая, далёкая грусть, — я помню, как в детстве меня завораживали рассказы о рождении кристаллов. Бабушка говорила: они зреют в недрах, как плоды на невидимом древе, и ждут своего часа. А я представлял тёмные пещеры, полные тихого сияния. Будто под ногами у нас спит ещё одно небо — перевёрнутое, усыпанное неподвижными звёздами.

Он замолчал тогда, и взгляд его ушёл внутрь, в те детские сны.

Лилиана смотрела и слушала всем своим существом, ловя не смысл слов, а их звучание, тот самый отголосок детской веры, что ещё теплился в его душе.

— Мне даже снилось, — голос его стал тише, — что я спускаюсь туда по светящимся корням. И кристаллы там... они дышат. И в этом дыхании — весь свет, что они вобрали

в себя при рождении. Вся роса с озера.

Он встряхнул головой, усмехнувшись собственным детским фантазиям.

— Потом пришли учителя, трактаты, диаграммы — и всё объяснили: как и почему. Что там, в глубине, огненная стихия, взбудораженная тремя солнцами, совершает таинство в самом сердце земли, рождая новый кристалл.

Он говорил тогда спокойно, почти лениво, как о чём-то хорошо знакомом и давно изученном. Но Лилиана знала: за этим спокойствием скрывалось то же самое изумление, что и в детстве.

Он просто научился не показывать его.

Он рассказывал, как в точке, где три света пересекаются в капле росы, воздух поёт хрустальным звоном., как сияние впитывается в листья, ползёт по коре деревьев, устремляется в трещины земли. В этот миг почва, корни и стебли становятся единым живым сосудом — фильтром и проводником. А в глубине, вдали от света, начинается скрытая работа.

В полной тишине и темноте сокровенные капли уплотняются, сгущаются, наращивая слой за слоем — плетут кокон для своего дитяти, будущего кристаллического чуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.